

марийского, мордовского и финского. Не рассматриваются саамский и прибалтийско-финские языки, за исключением финского, хотя прибалтийско-финская ветвь в этом отношении неодинакова из-за различной роли лично-притяжательных суффиксов в отдельных языках. Правда, на с. 64 упоминаются эстонский и водский языки в связи с отпадением окончания генитива *-n*, но там же ошибочно утверждается, что указанное отпадение привело к изменениям в основах; в действительности большинство изменений в основах эстонского и водского языков более древние, чем отпадение окончания генитива.

На с. 119 финская поговорка *Terä veitsen, järki miehen kunnia* приводится

как пример на выражение «абсолютного обладателя». Однако в данном случае формы генитива *veitsen* и *miehen* являются определениями, причем в первой части предложения определяемое опущено.

В заключение следует сказать, что работа Н. Н. Колпаковой представляет собой целостное законченное исследование, где выводы основываются на фактах и соответствуют теоретической концепции автора, по-новому решена проблема описания посессивных отношений. Работа Н. Н. Колпаковой может служить образцом при рассмотрении тех же явлений в других языках, на ней могут основываться сопоставительные исследования.

АРВО ЛААНЕСТ (Таллинн)

<https://doi.org/10.3176/lu.1989.3.18>

И. А. Николаева, Проблема урало-юкагирских генетических связей. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1988.

22 декабря 1988 г. в Специализированном совете Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания АН СССР состоялась защита кандидатской диссертации И. А. Николаевой «Проблема урало-юкагирских генетических связей». Исследование выполнено под руководством академика АН СССР Б. А. Серебrenникова. Официальными оппонентами были доктор филологических наук Т.-Р. Вийтсо (Таллинн) и кандидат филологических наук А. И. Кузнецова (Москва).

Хотя проблема урало-юкагирских генетических связей стала известной почти полвека назад, в 1940 г., решение ее уже длительное время находится в стадии полного застоя из-за крайне слабой изученности даже живых юкагирских диалектов (или скорее языков): тундренного и верхнеколымского.

В работе Ирины Николаевой представлены (1) реконструкция праюкагирского языка на основе т. н. староюкагирских материалов (т. е. рукописных материалов XVII — первой половины XIX в.), а также печатных и рукописных материалов нашего века и (2) анализ урало-юкагирских соответствий в рамках

сравнения праязыковых состояний. Актуальность и научная новизна исследования не вызывают сомнений. Кроме того, уже введение в научный обиход как забытых староюкагирских материалов, так и данных современных диалектов, в том числе собственных полевых записей из верхнеколымского диалекта, представляет собой научную ценность.

Объем работы — 338 машинописных страниц, она состоит из предисловия (5 с.), введения (35 с.), двух глав (86 + 74 с.), заключения (12 с.), списка использованной литературы (20 с.), трех приложений (37 + 32 + 51 с.), списка сокращений (3 с.) и оглавления (2 с.).

Предисловие содержит краткую оценку изученности урало-юкагирской проблемы, формулировку цели, авторскую оценку научной новизны работы, определения задач и теоретической основы работы, перечня источников юкагирского материала.

Во введении представлены общие сведения о юкагирском языке и народе, в том числе история исчезновения народа (согласно автору, родным языком юкагирский является для 140 тундренных и 20 верхнеколымских юкагиров), описание традиционной материальной и духовной

культуры, а также история изучения генетических связей юкагирского языка.

В первой главе («Праюкагирская реконструкция») рассматриваются три центра проблем: 1) старуюкагирский язык, 2) фонология и морфонология современного юкагирского языка и 3) реконструкция праюкагирской фонетики.

Старуюкагирский язык в отличие от новоюкагирского автором характеризуется как сохранивший срединные консонантные сочетания типа носовой + смычный; упрощение таких сочетаний завершилось в 20—50-х годах XIX в. Используя т. н. малый список Свадеша, автор вполне оправданно устанавливает принадлежность семи старуюкагирских диалектов к четырем самостоятельным ветвям: 1) омокской (омокский список Матюшкина (МО)), 2) чуванской (чуванский список Матюшкина (МС) и список Бенсинга (Вое)), 3) усть-янской (усть-янский список Миллера-Линденау (МУ)), и 4) южной (колымский список Миллера-Линденау (МК), списки Биллингса —

лектов образуют цепь МО — МУ — МК — К1 — В — МС — Вое, причем к южным диалектам (МК, К1, В) первым примыкает усть-янский (МУ), затем чуванский (МС — Вое), а омокский противопоставляется уже всему остальному старуюкагирскому ареалу, ср. матрицу и соответствующее дерево. Современный тундренный диалект (Т) проявляет наибольшее сходство с усть-янским и южными диалектами, но в общем тундренный диалект оказывается третьей ветвью юкагирских диалектов. (Современный верхнеколымский диалект практически тождествен диалекту Биллингса-Мерка — 95% совпадений.)

Однако поскольку лексикостатистические таблицы и деревья отражают всего лишь лексическую близость рассматриваемых диалектов или языков (или, скорее, крайне отрывочных списков), различия в наших толкованиях лексикостатистических данных не обязательно имеют лингвистическое значение. Необходимо установить, насколько сходство различных диалектов обязано соседству и поздним заимствованиям, и найти фонетические критерии, доказывающие генетические общности. Важные шаги в этом направлении намечены уже в работе, где установлены и ряд эвенских (или даже тунгусских) заимствований в тундренном диалекте.

Трактовка фонологии верхнеколымского и тундренного диалектов, наверно, в принципе вполне удовлетворяет приверженцев московской школы. Я сомневаюсь в естественности трактовки пар *k* и *q*, *g* и *ɣ* как одной фонологической единицы, несмотря на их дополнительности в рамках исторического сингармонизма, ведь сингармонизм уже давно представляет собой не столько фонологический процесс, сколько лексикализованное явление, в результате чего перед *i* встречаются как *k* и *g*, так и *q* и *ɣ*. Согласно Крейновичу, даже перед *u* встречаются как *k*, так и *q*. Мне трудно согласиться и с подходом, согласно которому часть гласных фонем ведет себя хамелеонами, изменяя свое качество в соответствии с встречаемостью в трех позициях: слабой, сильной и сверхсильной. Точнее, я не согласен с выделением фонемы /ə/, которая впрочем ни в одной позиции не может не нейтрализоваться, а также с

МО МУ МК К1 В МС Вое Т

МО	61	44	36	53	49	32	44
МУ		74	69	69	51	66	65
МК			88	81	49	55	65
К1				88	55	56	53
В					64	60	58
МС						72	43
Вое							39

Мерка (В) и Клички (К1)). Однако трудно согласиться с противопоставлением южной ветви остальным трем как северной диалектной группе: если преобразовать матрицу Николаевой (с. 49) так, что максимальные числа (проценты совпадающей лексики) расположатся как можно ближе к главной диагонали, то получится матрица, на основе которой семь диа-

трактовкой реальных дифтонгов *uo*, *uö*, *ie* то как кратких, то как длинных гласных фонем в зависимости от их участия в парадигматических чередованиях. К чести автора следует сказать, что на основе ее абстрактных фонологических форм можно восстановить и более естественные формы, хотя это трудно. Проблема лишь в том, что представляют собой эти абстрактные формы — формы из прошлого, найденные путем внутренней реконструкции, или же они предсказывают формы из будущего. Если верно первое, это в любом случае частично так, то эти неестественные формы весьма полезны.

В силу сказанного чередования юкагирских гласных в работе охарактеризованы на уровне аллофонов, а не описаны в разделе о мор(фо)фонологии. Описывая морфонологию, автор устанавливает 11 структурных типов основ (1 односложный, 3 двусложных, 4 трехсложных и 4 четырехсложных), 7 типов аффиксов. В связи с длиной основ возникает вопрос, как располагаются в слове второстепенные ударения и не влияют ли они на морфофонологические процессы. Весьма правдоподобен закон Николаевой, объясняющий структуру цепочек чередующихся аффиксов типов *-Cə/-C* и *-CəCə/-CCə*: возможны цепочки *-ə + C + Cə + C + ...* или *C/V + Cə + C + Cə + ...*, где *-ə* и *C/V* принадлежат основе. Хотя представленная трактовка т. н. эпентетических гласных и согласных гораздо симпатичнее прежних трактовок соответствующих т. н. чередующихся гласных или инфиксов, пока нет уверенности, что все эти гласные и согласные — действительно эпентетические, а не, наоборот, реликтовые, неутраченные. Например, исходными формами префикса утверждения и суффикса реципрока могут быть как раз *tər*- и *-ñiŋ*, где *r* и *ŋ* утратились перед согласным (как в тундренном диалекте), а затем, по аналогии, и вообще (в верхнеколымском диалекте).

По реконструкции И. Николаевой, в праюкагирском (ПЮ) было 18 (19) согласных фонем: *p*, *t*, *k*, *č*, *č̄*, *θ*, *θ'*, *γ*, *δ*, (*δ̄*), *m*, *n*, *ñ*, *ŋ*, *l*, *l̄*, *r*, *ω*, *j*, 8 кратких гласных фонем: *u*, *o*, *á*, *í*, *a*, *i*, *ö*, *e* и редуцированный гласный *ə*. Но так как

в ПЮ консонантизме в данном виде отсутствуют **s* и **š*, целесообразнее обозначать **θ* как **s* (на основе ее чуванского рефлекса *s*) и **θ'* как **š* (ее рефлексами являются *s* в тундренном диалекте (Т) и *š* в верхнеколымском диалекте (К), причем мыслима весьма естественная цепь переходов Т **š > s* и К **š > š > š̄*). Кроме того, я считаю формально неоправданным реконструирование ПЮ начальных **č* и **č̄* на основе двояких рефлексов единственной юкагирской начальной аффрикаты *č̄* в уральских языках. В области ПЮ вокализма реконструирование фонемы **á* допустимо, однако весьма проблематично, так как наличие трех заднерядных лабиальных гласных на фоне в общем «двухэтажной» системы гласных странно. Правда, **u*, согласно Николаевой, передний гласный. Но тогда возникает вопрос, как относиться к последовательностям *qu* и *ku* в материалах Крейновича. Если Крейнович не прав и если на с. 105 представлены сингармонические пары, то логично писать **u* как **ü*, **o* как **u* и **á* как **o*, ведь мыслима последовательность естественных изменений: 1) Т **o > *a*, Т, К **u > *o*, Т, К **ü > u*. Но несмотря на мои замечания, система реконструкции Николаевой «работает», и это серьезное достижение.

Во второй главе («Урало-юкагирское сравнение») рассматриваются 1) урало-юкагирская сравнительная фонетика, 2) урало-юкагирская сравнительная морфология и 3) проблема интерпретации урало-юкагирских параллелей.

Следует подчеркнуть, что работа Николаевой фактически представляет собой новый этап в изучении урало-юкагирских связей, так как в ней автор исходит не из современных юкагирских диалектов, а из праюкагирского языка (ПЮ), причем учитываются и связи юкагирского языка с сопредельными алтайскими и чукотскими языками. По понятным причинам автор ссылается на традиционные реконструкции прауральского (ПУ) консонантизма и вокализма, хотя они вряд ли кого-нибудь уже удовлетворяют. Все же в рамках этой традиции впервые корректно установлены уральско-юкагирские соответствия согласных фонем и самых существенных сочетаний согласных. Интересно, что и юкагирские соответствия

подтверждают реконструирование противопоставления одиночных и геминатных смычных в прауральском (и прафинно-угорском). Только вместо постулирования развития ПУ *s, *š > ПЮ *θ, ∅ или еще более смелой последовательности изменений ПУ *s, *š > ПЮ *θ, ПЮ *θ > ∅ перед сонорным второго слога, наверно, следует все еще задаться вопросом, не сохранился ли ПУ *s в ПЮ в каких-то условиях (при ПЮ *s > новоюк. l), несмотря на более общее изменение ПУ *s, *š > ПЮ ∅. В любом случае, пока нет свидетельств сохранения ПУ *š- в виде новоюкагирского l-. В области вокализма уральско-юкагирские соответствия довольно разнообразны и не всегда объяснимы. Но положение здесь лучше, чем, например, в области коми-удмуртских соответствий гласных.

В основе рассмотрения урало-юкагирских морфологических связей лежит довольно оригинальная концепция юкагирской морфологии, которая нередко яснее концепции Крейновича, в частности, это относится к трактовке логического ударения. Весьма интересно и решение проблемы юкагирского генитива: на основе старуюкагирского исходным аффиксом генитива считается *nt. Хотя объяснение этого *nt прямо по финно-угорскому примеру как последовательность прауральских окончаний генитива на *-l и *s-ового указательного местоимения (*sā) заманчиво, реконструирование праур. *s здесь из-за ПЮ *t вместо ожидаемого обычного изменения ПУ *s > ПЮ *θ > новоюк. l настолько рискованно, что нельзя забывать об урало-юкагирских *t-овых местоимениях как о более вероятных кандидатах на роль, выполняемую в финно-угорских языках *s-овым местоимением. Совершенно оправдано выделение и специального падежа логического ударения (ремы), однако недопустимо его «латинское» название *remativ*. В общем, автор вполне критически относится к своим предшественникам, убедительно отрицая генети-

ческую общность ряда предполагаемых уральских и юкагирских формативов.

И. Л. Николаева обоснованно отказывается от включения юкагирского в уральскую семью на правах 3-го члена несмотря на достаточно надежный корпус урало-юкагирских лексических сопоставлений и ряд аналогий в сфере морфологии имен. Ведь имеется и немало алтайско-юкагирских общих лексических элементов и морфологических аналогий, не говоря уже о тунгусских заимствованиях в юкагирском языке (многие из них впервые ею установлены). Автор предлагает разработать проблему взаимного соотношения юкагирского, уральских и алтайских языков «в рамках ностратического единства».

Чрезвычайно ценны приложения. Приложение I содержит полный перечень вероятных 155 урало-юкагирских сопоставлений (из них 70 представлены автором). Приложение II содержит (при надобности комментированный) перечень неодобренных автором 207 урало-юкагирских сопоставлений. Приложение III содержит анализ существующих рукописных материалов старуюкагирского языка (часть материалов представляет собой писарские копии), тезаурус старуюкагирских форм и их соответствий в современных юкагирских диалектах и диагностический список слов по юкагирским диалектам (т. н. малый список Свадеша).

Работа И. А. Николаевой представляет собой законченное научное исследование, которое благодаря введению в научный обиход рукописных старуюкагирских материалов XVII—XIX вв., реконструкции праюкагирской фонемной системы и оригинальной концепции морфологии юкагирского языка открывает новый этап не только урало-юкагирских, но и алтайско-юкагирских связей. Следует подчеркнуть, что среди кандидатских диссертаций эта работа выделяется как чрезвычайной смелостью избранной тематики, так и на редкость высоким научным качеством выполнения.

ТИИТ-РЕЙН ВИЙТСО (Таллинн)